

— Успех контратаки был омрачен этой перепалкой, — раздраженно спросила Шуй Сэньсэнь.

— Зайди в интернет и посмотри сама! Не впутывай меня в беду, которую ты навлекла на свою голову! — ответила та и с грохотом бросила трубку.

Не успел телефон замолчать, как снова раздался звонок. Увидев, что это агент, Шуй Сэньсэнь, даже будучи в дурном расположении духа, ответила на вызов. В ответ она услышала гневный допрос от человека, который раньше всегда разговаривал с ней подобострастно:

— Что ты натворила? Цзя Цинь написал в Weibo, что с нетерпением ждет сотрудничества с Му Дуню! Контракт на «Звук бандита» должен был поступить еще сегодня, но когда я позвонил уточнить детали, мне заявили, что главная героиня еще не утверждена и не стоит торопиться!

Вспыхнувший было гнев мгновенно угас. Сердце Шуй Сэньсэнь ушло в пятки, а агент продолжал:

— Цзя Цинь решил взять Му Дуню под свое крыло. Либо ты извинишься перед ним и признаешь свою вину, либо с позором вылетишь из съемочной группы!

В то время как Шуй Сэньсэнь, стиснув зубы, вынуждена была склонить голову перед Му Дуню, долгожданный фильм «Берег смерти» наконец вышел в прокат. Цзя Цинь был занят — ему приходилось летать по разным городам для продвижения картины. А Шуй Сэньсэнь, игравшая главную роль, из-за недавних событий оказалась не у дел и не поехала с группой. За день до отъезда Цзя Цинь специально зашел к Му Дуню и пригласил его пожить у себя.

Для Му Дуню это был неплохой вариант, но прежде чем согласиться, он подозрительно взглянул на Цзя Цинь:

— Почему ты мне помогаешь?

С самой первой их встречи тот то и дело оказывал ему поддержку, и эта доброта совсем не походила на отношение к едва знакомому человеку.

Цзя Цинь, сложив руки перед собой, посмотрел на Му Дуню с теплотой в глазах:

— Ты очень напоминаешь мне одного друга. Он был замечательным человеком... и пел так же прекрасно. Я часто думал: если бы он был в шоу-бизнесе, то стал бы самой яркой звездой.

Даже при всей своей толстокожести Му Дуню невольно почувствовал, как к лицу прилила кровь. Не нужно было гадать, о ком говорил собеседник — конечно же, о нем самом в облике

русалки. От того, что этот человек помнил его так долго, на душе стало необъяснимо радостно.

— Кино было моим увлечением, оно помогало мне идти вперед. Но когда я стал лучшим актером, этот мир стал привлекать меня все меньше.

Му Дуню рассмеялся:

— Подумаешь, звание лучшего актера. Если захочешь, можешь собрать все награды в мире, тогда интерес вернется.

Цзя Циньши покачал головой, глядя на Му Дуню, словно старший на неразумного младшего:

— Я люблю шоу-бизнес не ради кубков. Поверь, если бы я пожелал, я получил бы в этом мире все что угодно. Но мне нравится сам процесс игры. На съемочной площадке важно иметь достойного соперника — только тогда становится интересно.

Цзя Циньши слегка улыбнулся, и в его взгляде смешались гордость и одиночество:

— В индустрии немало тех, кто умеет играть, но, к сожалению, никто из них не сравнится со мной. Те, кто мог бы стать мне достойным противником, давно ушли. Поэтому, увидев тебя, я подумал: если не могу найти соперника, то могу его воспитать. Мой опыт, мои навыки — всё это я передам тебе. Му Дуню, ты станешь следующим великим королем сцены.

Безумные слова Цзя Циньши до сих пор звучали в ушах, хотя сам он давно уехал из города А. Му Дуню лениво полулежал на диване, переключая каналы, пока на экране не появилось лицо Цзя Циньши. Он замер.

В его представлении Цзя Циньши был добрым человеком, спасавшим раненых русалок, талантливым и гордым, но знающим границы. Он никак не ожидал увидеть в нем такую дерзость. Тот смотрел на всю индустрию развлечений свысока, но делал это так высокомерно, что возразить было невозможно. Казалось, будто... будто перед ним был король, взиравший на свои владения: бесстрашный, талантливый, уверенно ведущий за собой подданных, которые преклонялись перед его обаянием.

Казалось, он готов возглавить целую эпоху.

Му Дуню не знал, что в тот момент он сам смотрел на него с таким же вниманием, как верный подданный. Этот человек был настолько горд и безумен, что любой мог добровольно пасть в эту бездну.

Придя в себя, он даже немного досадовал, что согласился на предложение Цзя Циньши. К счастью, до возвращения того съемки «Звука бандита» уже начались, и он смог полностью сосредоточиться на сценарии.

Впрочем, не только на нем.

В день начала съемок Цзя Цинъюя должен был успеть на другое мероприятие, поэтому режиссер Бань Цзинлинь решил снимать сцены с второстепенными персонажами.

Му Дуню, чей нервный и неуравновешенный герой второго плана покорила всю съемочную группу еще на пробах, получил измененный сценарий, где безумие персонажа было подчеркнуто еще ярче. Му Дуню пробежался глазами по тексту, обдумывая образ, и как только режиссер позвал его, он мгновенно превратился из молчаливого парня в хладнокровного бандитского главаря Цюй Линя.

— Вы его упустили? — голос Цюй Линя звучал ровно, но с едва уловимой дрожью. Он улыбнулся своим подчиненным, но в его глазах не было ни капли тепла. — Что я вам говорил? Упустили — платите своими жизнями.

Актеры массовки старались вовсю, еще не осознавая всей опасности, исходящей от человека напротив, и по сценарию начали молить о пощаде:

— Босс, он оказался слишком хитер, мы сделали все, что могли! Вот... вот места, где он мог бы прятаться.

Один из них достал бумажку и сделал шаг вперед, чтобы передать ее. Цюй Линь едва заметно усмехнулся, взял записку и внимательно изучил ее. Когда подчиненные решили, что опасность миновала, он разжал пальцы, и бумажка упала на пол.

Голос Цюй Линя по-прежнему звучал мелодично, улыбка стала шире, но в глазах по-прежнему не было ничего человеческого:

— Мне нужен был адрес Цинъюя, а вы принесли мне карту всего города. Как же вы меня разочаровываете.

Ледяной взгляд, острый, как нож, прошелся по мужчинам, и их накрыла волна убийственного холода. Голос Цюй Линя звучал так, словно доносился из самого ада:

— Бесполезные отбросы.

Ближайший из них вдруг вздрогнул, бросился вперед, потянулся к Цюй Линю, чтобы обнять его, но в последний момент отдернул руки, в ужасе повторяя:

— Брат! Брат! Умоляю, пощади меня в этот раз! Я сейчас же найду Цинъюя, не вернусь, пока не найду! Прошу,пусти!

Цюй Линь медленно наклонился, схватил подчиненного за волосы, заставляя смотреть себе в глаза. Легкая улыбка исчезла, а в его взгляде забурилась темная синева, словно бушующий океан:

— С чего бы мне тебя прощать?

Сказав это, он оттолкнул его, выхватил со стола салфетку, тщательно вытер руки и бросил:

— Уберите их. Цинъюй уже знает, что мы здесь.

— Снято!

Как только сцена была отснята, Му Дуню подбежал к режиссеру, чтобы посмотреть запись. Он не упускал возможности учиться, анализируя свои ошибки, — именно поэтому он и стал лучшим актером.

Сегодняшний день прошел на удивление гладко. Сцены с Му Дуню снимались с первого дубля — у него был дар увлекать за собой всех вокруг.

Когда дело дошло до последней сцены, группа поняла, что сегодня удастся закончить пораньше. В этом эпизоде играли Му Дуню и Шуй Сэньсэнь. Сотрудники уже предвкушали отдых.

Хлопушка, мотор! Му Дуню смотрел на Шуй Сэньсэнь. В душе он жаждал мести, но как профессионал подавил эмоции и начал играть строго по сценарию.

По сюжету герой держал героиню в плену, и ее стойкость привлекала его внимание. В сцене было много эмоциональных перепадов. Му Дуню произнес свою реплику, ожидая, что Шуй Сэньсэнь перебьет его, но та молчала. Он стоял к ней спиной и не хотел оборачиваться, поэтому лишь недовольно нахмурился:

— Я задал вопрос. Почему ты молчишь?

Шуй Сэньсэнь продолжала молчать. Му Дуню взглянул на режиссера: тот хмурился, но не останавливал съемку. Похоже, выходы Шуй Сэньсэнь вписывались в логику сюжета. Му Дуню понял: он еще не успел начать мстить, а она сама напросилась.

Иногда актеры импровизировали, но обычно это происходило по взаимной договоренности или между опытными артистами. Шуй Сэньсэнь же, зная, что он новичок, просто пыталась его подставить.

Обычный новичок мог бы растеряться, но внутри Му Дуню жил лучший актер, и такие мелочи

его не пугали. Он развернулся, отбросил все эмоции и, подойдя к Шуй Сэньсэнь, произнес ледяным тоном:

— Раз ты не любишь говорить, лучше тебе вовсе молчать.

Как только он произнес это, Шуй Сэньсэнь подняла на него полный ярости взгляд. Му Дуню слегка прищурился и посмотрел на нее проницательным, острым взглядом снизу вверх.

Шуй Сэньсэнь замерла. Все заготовленные реплики вылетели из головы, а этот полный силы взгляд глубоко врезался в память.

— Стоп! — раздался голос режиссера. — Шуй Сэньсэнь, ты что делаешь? Почему молчишь?

Шуй Сэньсэнь опомнилась, извинилась перед режиссером и украдкой взглянула на Му Дуню. Этот взгляд... это была привычка Му Минцзэ. Во всей индустрии только он так делал.

Почему у Му Дуню такая привычка? Сердце Шуй Сэньсэнь бешено забилося. Неужели душа Му Минцзэ вселилась в его приемного сына и вернулась, чтобы отомстить?

Немного успокоившись, она убедила себя, что, возможно, Му Дуню просто перенял эту манеру, живя с Му Минцзэ с детства.

Когда они начали второй дубль, Му Дуню снова встал перед ней. Глядя на женщину, в глазах которой читался скрытый страх, он медленно разомкнул холодные губы:

— То, что ты украла, никогда не станет твоим. Ты до сих пор этого не поняла?

Его глаза под светом ламп приобрели неживой, стеклянный блеск, словно у мертвеца. В какой-то момент Шуй Сэньсэнь показалось, что она видит мертвое тело Му Минцзэ, которое холодно смотрит на нее из речных глубин. Она не выдержала и закричала.

— Шуй Сэньсэнь! — рявкнул режиссер, заставляя ее замолчать. — Это полицейский боевик, а не фильм ужасов, не надо орать!

Несмотря на два провальных дубля, ее игра в целом была неплохой, но эта ошибка была совершенно неуместной. Режиссер с трудом сдержал гнев:

— Отдыхайте, через некоторое время продолжим.

Люди, работавшие весь день, наконец выдохнули. На съемочной площадке зазвучали голоса, она ожила.

Му Дуню отступил на шаг. Уголки его губ приподнялись в подобии улыбки, которая выглядела довольно приветливо, а в голос он добавил гипнотические нотки:

— Старшая коллега Шуй, не стоит так нервничать.

Со стороны это выглядело как забота о коллеге, но Шуй Сэньсэнь не оценила этого. Она все еще была под впечатлением от того взгляда, ее сердце колотилось от страха. Она смотрела на Му Дуню с ненавистью, пока не подошел ее помощник, после чего она поспешила уйти.

Му Дуню не менял реплики, просто Шуй Сэньсэнь не повезло: в сценарии эта фраза относилась к уликам, которые герой украл у бандитов, но для Шуй Сэньсэнь, у которой рыльце было в пушку, это прозвучало как призыв к ответу от самого Му Минцзэ.

Поскольку в последнее время имя Му Минцзэ звучало постоянно, ее нервы были на пределе, а игра Му Дуню в сочетании с русалочьим внушением довершили дело.

Перерыв быстро закончился. Му Дуню поправил грим и собирался выйти на площадку, но перед этим внезапно дернул Сяо Дуншу за рукав и сказал нечто странное:

— Прости.

— Что? — Сяо Дуншу, выполнявший роль и агента, и няньки, опешил, глядя, как Му Дуню уверенно выходит в свет софитов.

Вскоре он понял, что значило это слово.

Шуй Сэньсэнь снова запнулась. После вопроса Му Дуню она просто застыла, и хотя он пытался спасти сцену, было ясно, что пересъемка неизбежна.

Казалось, она ходит во сне: то забывала слова, то проявляла страх там, где должна была быть тверда.

— Стоп!

— Стоп!

— Стоп!

— Шуй Сэньсэнь, что с тобой?! Ты сценарий читала? Слова запомнила? Если не можешь запомнить, придумай что-нибудь! Какой это уже дубль? — режиссер вскочил с места, готовый сам выскочить на площадку. — Он еще ничего не сделал, а ты чего боишься?! Ты вообще можешь играть главную роль?

Он схватил мегафон и устроил ей разнос. Съемки затянулись до глубокой ночи, и все были измотаны.

На самом деле, в этом была заслуга Му Дуню. Привычки человека не меняются легко, да он и не хотел их менять. Играя Цюй Линя, он играл самого себя. Посторонние не видели этого, они видели лишь то, что Му Дуню блестяще справляется, а Шуй Сэньсэнь постоянно всех подводит.

Это была ловушка, расставленная Му Дуню специально для нее. Только та, кто десять лет провела рядом с Му Минцзэ, могла так испугаться этих знакомых жестов.

Шуй Сэньсэнь не могла ничего сказать в свое оправдание. Ее состояние ухудшилось, потому что игра Му Дуню была до жути похожа на Му Минцзэ, а реплики из сценария звучали так, будто тот стоял прямо перед ней и допрашивал ее.

После первого же испуга она поняла: эта сцена обречена.

В конце концов, режиссер швырнул сценарий на стол:

— Все по домам, продолжим завтра! — он посмотрел на проходящую мимо Шуй Сэньсэнь и добавил шепотом: — Знай, что на твою роль есть много других претенденток.

Му Дуню не слышал слов режиссера, но догадывался о происходящем. Он помог сотрудникам убрать оборудование, и когда вернулся, площадка почти опустела.

Шуй Сэньсэнь стояла за режиссерским креслом. Убедившись, что никого нет, она сбросила маску невинности: ее лицо исказилось, а взгляд стал змеиным. Она смотрела на пустую сцену, впившись длинными, накрашенными алым лаком ногтями в сценарий, чуть не протыкая бумагу.

Му Дуню подошел тихо, как призрак. Хищник из морских глубин полностью скрыл свою ауру, пока не заговорил голосом из прошлой жизни:

— Почему ты еще не ушла, Шуй Сэньсэнь?

Она побледнела, уперлась рукой в стул и обернулась. Увидев Му Дуню, она повысила голос, словно оскорбленная:

— Не тебе решать, когда мне уходить!

— Ха, — Му Дуню медленно приближался к ней с тем самым нечеловеческим взглядом. — А мне кажется, я имею на это право. Ты была подругой моего приемного отца. Мне жаль его — как он мог выбрать такую женщину?

Шуй Сэньсэнь яростно выпалила:

— Я никогда не слышала, чтобы у Минцзэ был такой приемный сын! Ты можешь обмануть СМИ, но не меня!

— Это я должен сказать тебе! — Му Дуню прищурился, от него повеяло жутким холодом. — Ты, может, не знаешь, но перед исчезновением приемный отец прислал мне свои песни. Он считал их своим шансом на возвращение! Но когда я снова увидел те песни и услышал мелодию, автором оказался Бань Цзинлинь! А певицей — Шуй Сэньсэнь!

Лицо Шуй Сэньсэнь снова побелело, она сжала сценарий еще сильнее:

— Ты думаешь, я поверю твоим словам?

Му Дуню посмотрел на нее сверху вниз:

— Мне не нужно твое доверие, потому что это факт! Шуй Сэньсэнь, что ты видела сегодня? Это Му Минцзэ приходил за тобой? — он холодно усмехнулся. — Конечно, ты не можешь нормально играть, ведь все, что у тебя есть, украдено. Оно вернется к истинному владельцу. Вор... всегда будет наказан. То, что не твое, никогда твоим не станет.

Му Дуню в последний раз взглянул на нее. Его сердце было спокойно. Женщина, оставившая глубокий след в жизни Му Минцзэ, в конце концов была поглощена собственной жадностью. Теперь ни ненависть, ни боль не должны были больше касаться таких людей.

Преступник должен понести наказание. Если небо медлит, он не виноват, что взял дело в свои руки.

В конце концов, только избавившись от этой невыносимой привязанности к прошлому, можно начать новую жизнь.

Человек должен смотреть вперед.

На площадке было слышно лишь тяжелое дыхание Шуй Сэньсэнь. Все ушли, лишь одна лампа освещала пустую комнату. Она стояла, опустив голову, с покрасневшими глазами, и сердце ее не могло успокоиться.

Новый ассистент нерешительно позвал:

— Госпожа Сэнь, может... пора идти?

Шуй Сэньсэнь резко подняла голову,хватила у него пальто, бросила телефон и с яростью швырнула одежду на пол.

— Убирайся!

<http://bllate.org/book/19860/1955134>